

Д.А. Милютин и его «Старческие размышления о современном положении военного дела в России»

В 1912 г. в № 30 «Известий Императорской Николаевской военной академии» была напечатана статья «Старческие размышления о современном положении военного дела в России», принадлежавшая перу незадолго до этого умершего выдающегося военного деятеля России генерал-фельдмаршала Д.А. Милютина.¹ В примечании редакция «Известий» уточняла, что эта статья была написана Д.А. Милютиным в августе 1909 г. и «взята из бумаг его находящихся в распоряжении редакции». По мнению редакции, статья являлась интересной, затрагивала вопросы, полностью входящие в программу «Известий», и выражающая взгляды Д. А. Милютина. После оговорки, что «условия последних лет жизни покойного фельдмаршала не могли не сказаться на особенностях этих взглядов», говорилось, что «быть может, в частностях не всегда можно согласиться с автором, но от этого вся статья в целом не теряет интереса». В конце примечания говорилось, что «статья печатается без каких бы то ни было изменений против рукописи, самим автором подготовленной, по-видимому, для печати».²

Статья Милютина начиналась с упоминания о том, что прошло уже полвека с тех пор, как он был призван императором Александром II на должность военного министра. В то время, писал Д.А. Милютин, вооружённые силы России «были в полном расстройстве, как вследствие выдержанной тяжёлой войны», так и тех мер, которые потом принимались «в видах поправления финансов» «уступчивым до крайности» его предшественником «стариком Сухозанетом». Как полагал Милютин, сам Александр II «увидел, наконец, к чему приводит... чрезмерная экономия блюстителей наших финансов, притом в то время, тогда в Западных Государствах всё внимание было направлено на возможное усиление военных сил». Поэтому с самого вступления на должность военного министра в 1861 г. перед ним, вспоминал Милютин, была поставлена «нелёгкая задача — восстановить, насколько возможно, военную силу России, не упуская, однако, из вида плачевного состояния наших финансов».³ Такая задача, по мнению Милютина, «могла быть решена не иначе, как об-

¹ Милютин Д.А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России // Известия Императорской Николаевской военной академии. 1912. № 30. С. 833—858.

² Там же. С. 833.

³ Там же. С. 833—834.

щею переделкою всего нашего военного устройства, начиная с высшего управления и до самых мелочей хозяйства военного». «После нескольких месяцев усидчивой работы и размышлений, в самом начале 1862 года, был представлен Государю обширный доклад, заключающий в себе полную программу предстоявших преобразований по всем частям военного министерства». По словам Милютина, его предложения все без исключения «удостоились высочайшего одобрения, и с того времени закипела в министерстве непрерывная преобразовательная работа в продолжении целых двадцати лет». Начатое «обширное дело» велось «систематично», благодаря «постоянному личному доверию» Александра II, «несмотря на тормозившие его финансовые затруднения и на политические осложнения». Результаты реформ Милютин обобщал в следующих словах: «Вооружённые силы наши более чем удвоены, хозяйственное и строевое состояние войск изменилось до неузнаваемости, управление же военное значительно упорядочено и облегчено децентрализацией главной инстанции и учреждением военных округов». В ходе реформ, как полагал Милютин, с 1862 по 1876 г. были достигнуты успехи, которые «высказались уже в Турецкую войну 1877–1878 гг.». По утверждению Милютина, сам Александр II считал, что «война эта послужила как бы экзаменом для военного министерства» и «признал этот экзамен вполне удачным».⁴

В «старческих размышлениях» Милютин в самой общей форме писал о войне 1877–1878 гг., в конце которой Россия оказалась перед лицом многочисленных трудностей, как политических, так и дипломатических и финансовых. Именно Милютин был в числе тех, кого беспокоило создавшееся положение. П.А. Шувалов, на Берлинском конгрессе игравший более активную роль, чем престарелый канцлер А.М. Горчаков, вспоминал, что присутствовавшие на проводах военные «заклинали» его сделать «всё возможное, чтобы предупредить продолжение войны». Д.А. Милютин сказал П.А. Шувалову: «Вы знаете положение, мы не можем дальше сражаться. Мы не можем этого ни по военным, ни по финансовым соображениям... Отстаивайте пункты, какие вы сочтёте возможным отстоять ... уступайте всё, чтобы только не сорвать конгресса».⁵ С тем большей убеждённостью Милютин и в 1909 г. писал, что «остановиться» на достигнутом успехе нельзя, «следовало, напротив того, ещё усилить преобразовательную деятельность, исправлять замеченные на деле недочёты, поднимать новые вопросы и вообще продолжать идти вперёд безостановочно». По словам Милютина, ему, к его «крайнему прискорбию», «не удалось даже завершить программу 1862 года». «Трагическая кончина благодушного Царя

⁴ Там же. С. 834.

⁵ Дневник Д.А. Милютина. М., 1950. Т. 3. С. 32, 35.

Освободителя была концом и преобразовательных работ в военном министерстве», — с горечью писал Милютин и продолжал: «Преемники мои в звании Военного министра не только не захотели идти по протоптанной уже тропе, но нередко принимали меры в противоположном прежнему направлении». «Только раз спрошено было моё мнение, именно относительно переделки Положения о полевом управлении армии в военное время», — писал Милютин, сетуя, что к нему не обращались за советом после его выхода в отставку, и продолжал: «Иначе и быть не могло, так как в новое царствование главной задачей было разделять всё совершённое в предшествующее».⁶ На долгое время Милютин, «удалившись на покой в свое крымское имение», «устранился совершенно от официального мира, от дел военного ведомства и знал только то, что попадалось в газетах». Но «наступило время», когда и Милютину «стало невозможным оставаться равнодушным к событиям политическим и военным — время Японской войны и революционной неурядицы». Он критически оценивает деятельность верховной власти и военного командования России, которые, как он считал, оказались неподготовленными к войне с Японией. «Несчастливая эта война разразилась для всех неожиданно, несмотря на пребывание в стране наших дипломатов и военных агентов, и даже путешествие в Японию самого Военного министра, никто не замечал, что наш маленький сосед вооружается с ног до головы», — писал Милютин. Он считал, что в России не имели реального представления об экономическом положении и военной мощи Японии и поэтому «с давних пор привыкли смотреть на “маленького соседа” с пренебрежением, с убеждением в том, что такая маленькая отдалённая азиатская страна не может и помышлять о войне с колоссальной державой». Недоценка Японии и её вооружённых сил имела последствием неподготовленность дальневосточного театра военных действий. По словам Милютина, «мы оставались на Дальнем Востоке вполне безоружными» и перечислял допущенные там просчёты. «Во всем огромном крае держали только несколько “линейных” батальонов, на которые смотрели преимущественно как на рабочую силу», — писал Милютин, указывая на недостаточную численность войск на Дальнем Востоке. Отмечал он и отсутствие командования сухопутными силами, когда «главное начальство во Владивостоке обыкновенно возлагалось на моряка». Активация агрессивных устремлений Японии не была замечена и должным образом оценена военными и дипломатами. Следствием было то, считал Милютин, что «незначительно было усилено число войск на берегах Тихого океана, в то время, когда Япония уже выказала свои силы над Китаем и

⁶ Милютин Д.А. Старческие размышления... С. 834–835.

несколько спустя приняла участие в занятии Пекина Европейскими отрядами». Не обратили внимания на угрозу со стороны Японии военно-морское командование и дипломаты. «Не повлияли на нашу политику на заведомое усиление Японии на море ни союз с Великобританией, ни союз её с Великобританией», — писал Милютин и бросал прямой упрек в сторону Министерства иностранных дел: «Дипломатия не сумела уладить возникшие недоразумения, а к войне мы вовсе не подготовились ни на сухом пути, ни на море».

Перечисляя недостатки, допущенные при подготовке дальневосточного театра, Милютин, как важный положительный фактор, расценивал строительство Сибирской железной дороги, которая оказалась «якорем спасения от безнаказанного вторжения азиатцев в пределы России и захвата ими всего нашего побережья Тихого Океана». Только благодаря этой дороге, этому, по словам Милютина, «грандиозному памятнику царствования Александра III, сделалось возможным, сравнительно в непродолжительное время, перекинуть из Европейской России в Северную Маньчжурию довольно значительное число войск с массою необходимых для действующей армии грузов, несмотря на крупные недочеты в самом устройстве пути».⁷ «Удачное решение такой трудной задачи, — полагал Милютин, — может быть поставлено в важную заслугу министров — Военного и Путей сообщения». Милютин придавал важное значение проблеме «чрезмерной отдаленности и обособленности» дальневосточного «театра войны». Он считал, что «ни одно государство, кроме России, не справилось бы с такой сложной задачей, каковой было сосредоточение войск и всего им необходимого на Дальнем Востоке. С его точки зрения, что аналогичную задачу не сумела решить Англия в её борьбе «с двумя маленькими южноафриканскими республиками, вовсе не обладавшими организованными войсками. Вместе с тем он полагал, что «чем успешнее» удалось «сосредоточить в Маньчжурии весьма почтенные силы и непрерывно пополнять и усиливать армию, тем прискорбнее неудачный ход военных действий и на сухопутном пути, и на море. Анализируя ход русско-японской войны, Милютин подчёркивал и ошибки командования, повлекшие за собой потери и неудачи. «В продолжении 18-ти месяцев от первого столкновения на р. Ялу и до заключения Портсмутского мира перевес был на стороне наших противников, как в смысле тактическом и стратегическом, так и нравственном», — писал Милютин, кратко характеризуя сложившееся соотношение противостоявших друг другу сторон. «Природная русскому войску личная доблесть и выносливость нижних чинов и офицеров не изменили и на сей раз, но частные успехи в

---

⁷ Там же. С. 835.

бою, стоившие обыкновенно огромных потерь в людях, не могли повлиять на общий ход кампании и на результат войны», — писал Милютин, воздавая должное стойкости и вместе с тем указывая на то, что, вопреки ей военные неудачи преследовали и русскую армию и русский флот. «Героическая оборона Порт-Артура закончилась позорною сдачею его, и безграничная самоотверженность моряков наших не спасла наших судов от гибели; армия же, славящаяся своею стойкостью, отступала последовательно с одной укреплённой позиции на другую, конечно, с огромным уроном и небывалым числом пленных. На последней её стоянке, уже не в дальнем расстоянии от Русской границы, провозглашён конец войны». Сетуня по поводу неудачного для России хода военных действий, Милютин сознавал необходимость выхода из войны. Он полагал, что «условия мира, заключённого на Американской территории, при посредстве президента великой республики (т.е. президента США Видро Вильсона. — А. Ц.), конечно не могут быть признаны почётными для России».⁸

Признавая унижительными для России условия Портсмутского мира, Милютин вместе с тем считал, что «приходилось порадоваться прекращению войны». Ему были чужды настроения тех, кто призывал к продолжению войны в надежде на истощение Японии и в конечном счёте победу России. «Только отчаянные шовинисты могли бредить о реванше», — утверждал Милютин. Его прогноз развития событий в случае продолжения войны был пессимистичным. «Весь ход закончившейся кампании, вся обстановка на театре войны не давали надежды на счастливый для нас оборот дела», — писал Милютин. Исходя из того, что «разбор всей этой жалкой кампании» не входит в его «программу», он считал возможным ограничиться «лишь несколькими общими замечками».

Прежде всего Милютин хотел «сказать несколько слов о главных действующих лицах». Полагая, что, «в деле военном, более чем в каком либо другом, успех обуславливается, — как полагал Милютин, — личностью Главнокомандующего и ближайших его помощников». Милютин разбирал, как был «разрешён этот первый, важный вопрос», когда «пришлось спешно приготовиться к непредусмотренной войне». Характеризуя А.Н. Куропаткина, поставленного во главе «собравшейся армии» и «променявший высокий пост Военного министра на заманчивую роль полководца, но с подчинением его адмиралу Алексееву на правах Главнокомандующего», Милютин писал, что «Куропаткин пользовался репутацией отличного офицера генерального штаба; в особенности выказал он себя, состоя при генерале Скобелеве, в качестве отрядного начальника штаба, но не имел случая выказать свои способности в качестве самостоятельно-

---

⁸ Там же. С. 836.

го военначальника». Не соответствовал занимаемой им высокой должности, по мнению Милютина, и адмирал Е.И. Алексеев. Его появлению на театре военных действий Милютин мог объяснить «лишь тем, что незадолго ранее он был назначен на вновь созданный пост “Наместника в Приморском крае”». Алексеев, по мнению Милютина, «как моряк» «был совершенно чужд военно-сухопутному делу» и «подчинение такому лицу командующего армией было ненужным стеснением самостоятельности последнего».⁹ Отрицательно оценивал Милютин и назначение главнокомандующим генерала Н.П. Линевича, когда «возросшие силы на театре войны были разделены на две армии». Н.П. Линевич, который был «одним из старых кавказских боевых офицеров», «славился распорядительным и заботливым о солдате командиром и выказал эти качества свои в недавней экспедиции в Китае, на виду Европейских союзников». Однако, отмечал Милютин, «боевая репутация Линевича была заслужена командованием лишь небольшими отрядами», а за «всю свою службу» он не имел случая «не только командовать значительными силами на поле сражения, но даже и видеть большие массы войск».¹⁰ Таким образом, лица, оказавшиеся во главе войск на Дальнем Востоке, не соответствовали там требованиям, которым, по мнению Милютина, могли быть предъявлены к главнокомандующему и не имели опыта командования «большими массами войск». Не отвечали необходимым требованиям, как полагал Милютин, и почти все генералы, «начальствовавшие частями армии в Маньчжурии». Среди них «обратившими на себя общее внимание» Милютин называл только командовавших отдельными отрядами Мищенко, П.К. Рененкампа и «некоторых других». Из числа же «старших генералов: корпусных командиров и дивизионных начальников» Милютин «затруднялся назвать» «хотя бы одного выдающегося своим энергичным образом действия и так называемую “инициативой”». Как писал Милютин, «нам, русским, особенно обидно превосходство, оказанное японскими генералами». Впрочем, он не сводил неудачные для России военные действия лишь к тому, что русские генералы оказались не на должной высоте положения. Сетя по поводу превосходства японских генералов над русскими, Милютин вместе с тем оговаривался, что «в суждениях о наших военных действиях в Маньчжурии справедливость требует принятия во внимание нынешнее переходное состояние военного дела». Прежде всего, он имел в виду «чрезвычайное усовершенствование оружия, особенно артиллерии» и «изумительные успехи техники в разнообразных приложениях к военному делу». Отметив также «непомерное возрастание чис-

⁹ Там же. С. 837.

¹⁰ Там же. С. 837–838.

ленности армий и усложнение военного хозяйства», Милютин делал вывод о том, что все эти новшества «изменяют совершенно образ ведения войны, сравнительно с наполеоновскими войнами, на изучении которых воспитано столько поколений». Последнее замечание было воспринято, как призыв по-новому преподавать стратегию и тактику в Академии Генерального штаба, признав устаревшими начала, на которых строилось преподавание этих дисциплин в духе традиции Жомини-Леера, согласно которой военное искусство Наполеона признавалось вершиной военного искусства.

Ссылаясь на опыт русско-японской войны, Милютин указывал на необходимость учитывать всё новое, что выявилось в ходе военных действий 1904—1905 гг. на Дальнем Востоке. «Боевые наши столкновения с японцами на фронте в несколько десятков верст, чуть не сотни, не представляют никакого сходства с классическими сражениями той эпохи, а более похожи на бывшие долговременные состязания в контрвалационных линиях под крепостями». Указывал Милютин на выявлявшуюся в ходе боевых действий 1904—1905 гг. тенденцию к утверждению приёмов позиционной войны. В «стратегических действиях» он обращал внимание на то, что «стоянка в укреплённых позициях в течение целых месяцев более напоминают позиционную систему XVII столетия, чем Наполеоновские смелые маневры». Сделав эти замечания, Милютин пришёл к выводу, что «при меняющихся условиях» необходим «новый рациональный образ ведения войны», а для того, чтобы его выработать «необходимо появление нового гениального полководца». Такого полководца в русской армии не было. Поэтому Милютин писал: «Мы не можем сокрушаться о том, что такой гений не появился в числе наших генералов, участников Японской войны. Война 1904—1905 гг. представлялась Милютину стечением многочисленных неблагоприятных для русской армии и России в целом обстоятельств. В его глазах на этом фоне «исход войны» ввиду «неподготовленности и невыгодности обстановки», при которой «разразилась неожиданная» для России «борьба с дальним коварным азиатским соседом», «можно считать благополучным». Такую оценку исхода войны Милютин давал, «несмотря на все наши неудачи, на понесённый громадный урон и расстройство финансов, на слабости флота».¹¹

Обосновывая вывод о «благополучном исходе войны», Милютин сознавал, что подобная оценка может быть воспринята далеко не всеми. Приведённые им аргументы в обоснование тезиса о «благополучном исходе войны», «не могли, конечно, повлиять на общественное мнение». Реакция на военное поражение имела далеко идущие последствия, и Ми-

---

¹¹ Там же. С. 838.

лютин относился к этому со всей серьёзностью. Он писал, что «война с самого начала своего была крайне непопулярна во всех слоях русского народа». «В так называемом интеллигентном обществе, — как представлял себе Милютин, — не могли не возбудить общего негодования и раздражения наши военные неудачи, постоянное отступательное движение армии пред азиатским противником, и, наконец, самые условия мира, казавшегося обидным для Европейской державы».¹² Характеризуя реакцию в России на неудачный ход военных действий во время русско-японской войны, Милютин, как мы видим, писал о «негодовании и раздражении» «в так называемом интеллигентном обществе». Пожалуй, такое суждение было не совсем точно. В той части образованных людей в России, которых можно было бы назвать действительно, а не так называемым интеллигентным обществом, сначала военные неудачи, а затем и унижительные для России условия Портсмутского мира породили серьёзную озабоченность, стремление разобраться в происходящих событиях, оценить не только действия военного командования, но и политику власти, и общее положение в России. В качестве иллюстрации можно привести выдержки из писем тогда молодого, а впоследствии известного историка А.Е. Преснякова. 12 сентября 1904 г. А.Е. Пресняков писал жене Ю.П. Пресняковой, что он и его коллега С.А. Адрианов завтракали у профессора А.А. Шахматова. Адрианов за завтраком «горячо спорил» с Шахматовым «о войне, защищал Куропаткина, смотрел на ход дел не так мрачно, как другие, и не считал, что “вся война произошла только от глупости и подлости нашего правительства”, полагая, что серьёзное столкновение между Россией и Японией было неизбежно, независимо от тех или других поступков государей и министров». Шахматов «против всего этого» спорил, а Пресняков был «больше согласен» с Адриановым.¹³ 19 мая 1904 г. в письме к Ю.П. Пресняковой А.Е. Пресняков подробно комментировал сведения о поражении русского флота в Цусимском сражении, начиная письмо обращением: «Какие ужасы, Юлёк! Флота нашего нет». Упомянув об откликах русских и иностранных обозревателей, Пресняков писал: «Война — кончена и по нашему мнению, и по мнению всех заграничных газет». Пресняков выделял из русских газет те, которые «кричали»: «... “довольно”, больше нельзя так, надо передать правление в руки представителей народа». Сам Пресняков надеялся, что военное поражение в войне с Японией послужит поводом к началу перемен в политической жизни России и передавал это настроение в следующих словах: «Дай Бог, чтобы этот разгром, как Севастопольская кампания, как война

¹² Там же. С. 839.

¹³ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889—1927. СПб., 2005. С. 520.

1870 г. для Франции, был для нас залогом внутреннего возрождения. И так будет, не умирать же России!»¹⁴

Милютин понимал, что «негодование и раздражение» по поводу военных неудач охватили не только образованную часть общества. «В простом народе возбуждён был ропот тяжёлым призывом громадного числа запасных, неравномерным на всем пространстве империи и сопряжённым с отправкой в далёкий неведомый край». Ропот и недовольство, как представлялось Милютину, явились причиной революции 1905—1907 гг. Он писал, имея в виду общее недовольство в России: «Такое настроение народа, разумеется, пришлось как нельзя более на руку нашим революционерам, которые не могли дожидаться лучшей обстановки для осуществления своих замыслов». Революция 1905—1907 гг. для Милютина — «катастрофа», которая «разразилась в самых нежелательных формах — под красным знаменем анархизма и терроризма». Особенно удручён был Милютин тем, что «проникла революционная пропаганда и в некоторые части войск и флота, даже в Действующей армии на Дальнем Востоке».

В 1909 г., когда Милютин писал свои «старческие размышления», ему казалось, что революцию удалось подавить. Он считал, что армия и флот в массе своей устояли от революционной угрозы. «К счастью, эти случаи мятежа в войсках и во флоте были только ничтожными исключениями; вся же масса военной нашей силы осталась верной своим старым традициям и послужила правительству надёжной опорой для борьбы с революцией», — писал Милютин. В такой оценке сказались взгляды классического либерального деятеля середины XIX в., сторонника реформ, но и решительного противника революции, готового бороться с ней жёсткими мерами. «Октябрьский манифест 1905 года в связи с другими мудрыми мерами законодательными и административными и в то же время энергическое преследование многочисленных совершавшихся повсеместно большими скопами бессмысленных злодейств — отрезвили массу безумцев, увлечённых пропагандистами революции», — писал Милютин. Ему казалось, что «после нескольких месяцев неурядицы, власти удалось установить законный порядок», что «кроткий по своей природе русский народ отрезвился, государство вышло из пережитого тяжёлого кризиса обновлённым и с лучшими надеждами на будущность». Вместе с тем Милютин понимал, что «подавление революции» и «восстановление законного порядка» в России «не изгладили, однако же, в памяти того горького ощущения, которое оставила Японская война».¹⁵ Милютин с неудовольствием и раздражением отнёсся к той волне критики, которая

¹⁴ Там же. С. 525.

¹⁵ Милютин Д.А. Старческие размышления... С. 839.

последовала после военных неудач в русско-японской войне и революционных потрясений 1905–1907 гг. По его мнению, о причинах военных неудач 1904–1905 гг., «как бывает обыкновенно в таких случаях», «судили и рядили личности совершенно некомпетентные», которые «винили весь строй государственный, и высшие власти, и администрацию, и самые войска, и в особенности морское ведомство». Милютину казалось, что наряду со справедливыми упреками в адрес правительства, военного командования, вооружённых сил раздавалось много и необоснованных обвинений. «Доставалось и генералам, и офицерам, и генеральному штабу, и административным органам армии, несмотря на свидетельство участников войны о заметном упорядочении некоторых частей, сравнительно с прежними войнами. Печать не скупилась на критические статьи по военным вопросам, указывались в них всякие недостатки на устройство войск и давались советы, как помочь»,¹⁶ — писал Милютин, считавший, что критики не замечают даже тех мер, которые уже были приняты в военном ведомстве. Он брал военное ведомство под защиту, обращая внимание на то, что «само Министерство военное», несмотря на то, что было завалено «делами по расформированию армии, подняло в то же время множество вопросов, вызванных только что оконченной войною». Среди уже «принятых в то время более важных мер по военному ведомству» он указывал, как он считал, «две самые крупные», впрочем, «рождённые, по всем вероятностям, вне министерства». Впрочем, как видно из дальнейшего текста «размышлений», отношение Милютина к этим мерам было не лишено критики. И так, первой «мерой» он считал «учреждение особого высшего Комитета Государственной обороны». Второй — «изъятие генерального штаба из состава министерства в особое самостоятельное управление». Более чем сдержанно отнесся Милютин к созданию Комитета Государственной обороны. «Эта мера, — писал Милютин, — имела бы существенное значение при наличии подобающего личного состава». Судя по сослагательному наклонению в приведённой фразе, Милютин находил теоретически возможным создание такого высшего органа военного управления, но в реальной обстановке не считал его имеющим действительное значение. Зато по второму вопросу, касавшемуся выделения Генерального штаба из состава Военного министерства, Милютин высказался со всей определённостью и высказался в отрицательном смысле. Он считал «эту меру» «внушённой, по всем вероятностям», «подражанием Прусскому Генеральному штабу при Мольтке». В условиях России Милютин выделение Генерального штаба из Военного министерства находил «бесцельным и вредным нарушением цельности и единства военного

---

¹⁶ Там же. С. 839–840.

управления». К моменту, когда Милютин взялся за свои «размышления», «неудобства практические» из-за выделения Генерального штаба уже заставили вернуть его в состав Военного министерства, но пока что он был оставлен вне Главного штаба. Милютин находил это неправильным. Он напоминал, что ещё в его «программе преобразований в 1862 г.» было объяснено, какую «тесную связь» имеет Генеральный штаб с Главным штабом. Милютин попутно сожалел о том, что после смерти Александра II были и другие случаи «возвращения к старому, отменённому в 60-х годах по своей непригодности». Отмечал он также и то, что «под свежим ещё впечатлением последней неудачной войны» «военное министерство снова принялось усердно за пересмотр и переделку множества положений уставов и форм».¹⁷

Находя, что начатые в Военном министерстве «работы» по преобразованию вооружённых сил «конечно, весьма полезны и желательны», Милютин тем не менее считал, что «ограничиться частными улучшениями нельзя в переживаемое нами время», «живо напоминающее» ему «первые годы после Крымской войны».¹⁸

Делая такое сопоставление, Милютин писал, что необходимо «набросать целую программу, как в былое время преобразования нашего военного ведомства». Тут же он оговаривался, что в 94 году «старикку полуслепому и немощному трудно», почему он и ограничится тем, что «набросает на бумагу» «те мысли», которые «вертятся» в его «голове на заданную тему, хотя бы только в общих чертах, без всякого притязания давать советы нашему правительству».

Среди крупных и безотлагательных задач правительства России на первое место Милютин ставил «обеспечение безопасности государства на Дальнем Востоке». Он сокрушался по поводу того, что «в былое время такой заботы почти не было вовсе». Всё внимание было сосредоточено на Западном Европейском театре войны, а в Приморской области признавали достаточным содержать небольшое число линейных батальонов. Прежде чем изложить предложения о выделении вооружённой силы для обеспечения безопасности на отдалённом восточном театре войны», для чего уже приходится «уделять очень значительную долю и забот, и денежных средств», Милютин попытался определить сами масштабы военной угрозы на Дальнем Востоке. Он подчёркивал, что для России очень опасно не только уже очевидное «изумительно быстрое перерождение Японии в сильное первостепенное государство». Он указывал ещё и на то, что «уже и в настоящее время ставит в весьма опасное положение наши дальние ази-

¹⁷ Там же. С. 840.

¹⁸ Там же. С. 840—841.

атские владения» «угрожающее в близком будущем возрождение Китая, с его громадным, многочисленным населением». «В теперешнем положении, — писал в 1909 г. Милютин, — мы не будем в состоянии удержать за собою побережье Тихого океана».¹⁹ В случае новой угрозы войны на Дальнем Востоке, по мнению Милютина, «при редком населении края, с сильной примесью желтой расы, при крайней скудости местных средств, при отсутствии всякой морской вооружённой силы» следовало «ожидать нового, гораздо более прежнего позорного результата будущей войны».²⁰

Милютина беспокоило то, что, насколько ему было известно, «в течение четырёх лет с окончания Японской войны, не принято нашим правительством на Дальнем Востоке никаких мер к новому устройству края, кроме только приступа к продолжению железной дороги до Хабаровска». Милютин считал, что нельзя ограничиваться какими-то одиночными мерами. По его мнению, следовало решить «сложную и крупную задачу», для чего необходима была согласованная и энергичная деятельность всех министерств одновременно в соответствии с согласованным и обдуманым планом на многие годы вперёд. Единство и энергию разных ведомств должен был обеспечить специальный Комитет под председательством «лица, известного своим твёрдым характером и убеждениями». Милютин понимал, что «заранее установить весь план действий Комитета и каждого ведомства почти невозможно», но со своей стороны считал возможным наметить «самые выдающиеся задачи», которые следовало решить.

1) «Самые широкие меры к умножению русского населения края». Для этого он предлагал предоставить русским «всякие льготы» с одновременным «воспрепятствованием размножению иноплеменных обитателей, особенно японцев».

2) Всячески способствовать развитию «русской торговли, промышленности и ремесел».

3) Умножать поголовье скота, развивать коневодство, облегчать доставку на Дальний Восток сельскохозяйственных машин.

4) Создать сеть путей сообщения, «как параллельных пограничным линиям, так и в глубину края».

5) Учредить «в крае» местный банк и сберегательные кассы.

6) Исследовать Амур, Уссури и другие второстепенные реки «для возможного приспособления их к судоходству».

7) Распространять грамотность «в народе, с привлечением по возможности и инородцев». Учредить средние и «высшие (специальные) учебные заведения».²¹

¹⁹ Там же. С. 841.

²⁰ Там же. С. 841–842.

²¹ Там же С. 842–843.

Как видим, Милютин предлагал далеко идущую программу, предусматривавшую интенсификацию освоения Дальнего Востока, путем решения демографических, экономических и культурно-просветительных задач. Наметив пункты вышеприведённой программы освоения Дальнего Востока, Милютин далее писал, что «всё-таки самыми главными и неотложными мерами» он «признает» военные. По мнению Милютина, в случае новых военных конфликтов на Дальнем Востоке нельзя рассчитывать на переброску войск по Сибирской железной дороге, «особенно в том случае, если поднимется против нас Китай». Милютин считал необходимым, «по крайней мере для первой встречи противника, держать на предполагаемом театре войны не менее двух полных корпусов трёхдивизионного состава» в полной боевой готовности. Кроме этих корпусов по плану Милютина следовало держать постоянные гарнизоны в крепостях и в некоторых больших городах. Поскольку на азиатском театре войны, более чем на каком либо другом, важно наличие кавалерии, а содержание регулярной кавалерии на Дальнем Востоке связано со сложностями, Милютин предлагал использовать там казаков, для чего «усилить значительно казачье население вдоль всей азиатской границы».²²

Предложенная Милютиным программа обеспечения обороноспособности Дальнего востока была во многом осуществлена, но уже после крушения Российской империи в результате революционных бурь 1917 г. В годы Советской власти было предпринято немало усилий для экономического развития Дальнего Востока. Появились даже новые города, как Комсомольск-на-Амуре. Появились и новые пути сообщения, например, Байкало-Амурская железнодорожная магистраль, проложенная параллельно Транссибирской железной дороге. Некоторые предложения Милютина касались сложных проблем, не утративших своей актуальности и спустя сто лет после того, как он написал свои «размышления». В их числе — демографическая ситуация, вызывавшая у Милютина большое беспокойство. Милютин понимал, что освоение Дальнего Востока невозможно осуществить в краткие сроки. «Многие годы, десятки лет требуются для осуществления всех мер, до сих пор мною указанных, даже при самой доброй воле, при железной энергии исполнителей и самого правительства», — писал он. Тем не менее, из общего перечня необходимых начинаний Милютин выделял «такие меры, которые тем ранее могут быть доведены до удовлетворительного конца, чем ранее будет к ним приступлено». На первое место выдвигалось «приспособление театра войны», в связи с чем открывалось «широкое поле для немедленного приступа к работам инженерным, дорожным, судоходным и всем применениям со-

---

²² Там же. С. 843.

временной техники». В числе «самого главного и неотлагательного» Милютин называл «приведение Владивостока в неприступное состояние». В его глазах Владивосток — «наш второй Тихоокеанский Кронштадт». Владивосток виделся Милютину главным портом Тихоокеанского флота, портом, который не должен бояться всего японского флота», и должен быть надёжно защищен, так как «в нем хранятся крупные запасы всего нужного на случай войны; в нём устроены доки, эллинги, мастерские и другие учреждения морского ведомства, необходимые в пункте стоянки сильной эскадры». Бросая взгляд на географическое положение России, Милютин приходил к выводу о том, что «только в Тихом океане открыто широкое поле деятельности нашему флоту».

В ожидании возрождения Тихоокеанского флота Милютин считал необходимым «держат в Владивостоке сколько можно большее число судов мелких рангов, особенно миноносцев и подводных лодок». Кроме того следовало, как он утверждал, «также иметь один или два ледокола». Во Владивостоке, как «главном военном пункте края», по мнению Милютин, необходимо было «организовать управление морской частью», на которое при этом «отнюдь не возлагать ни гражданское управление краем», «ни даже начальство над какою либо частью сухопутных войск». Разграничение обязанностей между военно-сухопутным, военно-морским и гражданским начальством должно было быть определено законом «до малейших мелочей, можно сказать с педантизмом».²³ Милютин придавал большое значение координации действий армии и флота. Он считал, что «морское начальство не следует подчинять сухопутному», что командир эскадры, действующей на Тихом океане, «во всём, что составляет тесную специальность флота» в таких условиях, «сносится прямо с морским министром и получает от него указания». Вместе с тем военно-морское командование, по убеждению Милютин, постоянно имело в виду оказать поддержку армии. «Совершенно необходимо, — писал Милютин, — чтобы самый закон ставил в обязанность и заслугу морякам всевозможное содействие сухопутным надобностям, и чтобы сами моряки привыкли считать за честь помогать сухопутным войскам всякий раз, когда к тому нет существенного препятствия». Милютин стоял за широкое привлечение флота к решению задач по освоению Дальнего Востока.²⁴ Милютин писал, что «кроме морской обороны Владивостока в военное время на Морском ведомстве лежат и в мирное время многообразные задачи для оживления и развития Приморского края». В компетенцию Морского ведомства, как считал Милютин, должны входить «устройство и поддержка

²³ Там же. С. 844.

²⁴ Там же. С. 844—845.

речной военной флотилии на Амуре и Уссури», а «в случае войны, обороня устья Амура». Указывал Милютин и на необходимость ещё в мирное время подготовить дальневосточный театр военных действий, для чего нужно будет составить «план кампании» на случай «будущей войны с одним из наших соседей или с обоими сразу». С беспокойством Милютин напоминал, что нет «на всём безмерном пространстве Сибири ни одного укрепленного пункта кроме Владивостока», а «прибрежье Тихого океана и вся сухопутная граница с Китаем совершенно открыты неприятелю».²⁵

Исходя из сложности защиты границ на Дальнем Востоке, Милютин напоминал «общепризнанную аксиому военного дела», согласно которой «надёжнейший способ обороны есть наступление». Для претворения в жизнь этого принципа Милютин отстаивал необходимость содержать на «отдаленном восточном театре войны немалых вооружённых сил» и не рассчитывать «на немедленный подвоз их по железной дороге по примеру первой войны японской». «Только имея на месте достаточно боевых сил, открывается возможность предупредить врага в наступательном образе действий», — писал Милютин. Размышляя о возможной войне, Милютин полагал, что «главным театром войны и в будущее время, по всем вероятностям, будет опять Маньчжурия, как страна наиболее удобная для действий обеих сторон, даже в случае войны с Китаем». Что же касается Монголии, то там, как считал Милютин, «можно ожидать только таких действий, какие принято называть малой войной или партизанской». Монголия в представлении Милютина — это «арена для иррегулярной конницы и казаков».²⁶

В годы Гражданской войны Дальний Восток стал одним из театров военных действий, на котором наряду с другими противниками Советской России участвовали и японские вооружённые силы. Вслед за американским крейсером «Бруклин», прибывшим во Владивосток 11(24) ноября 1917 г., туда уже в конце декабря 1917 — начале января 1918 г. пришли японские крейсеры «Ивами» и «Асахи». Не вдаваясь в подробности боевых действий на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны, напомним лишь о том, что они окончательно прекратились лишь тогда, когда японские войска покинули Южное Приморье в октябре 1922 г. и Северный Сахалин в 1925 г.

Последующее развитие событий показало, что многие соображения Д.А. Милютина об усилении обороноспособности Дальнего Востока были весьма актуальны. Более того, в годы Советской власти на дальневосточных границах пришлось сформировать более крупные воинские

²⁵ Там же. С. 845.

²⁶ Там же. С. 846.

контингенты, чем планировал Д.А. Милютин. В августе 1929 г. в связи с конфликтом на КВЖД, спровоцированным китайскими милитаристами, была сформирована Особая Дальневосточная армия (ОДВА), вскоре (в 1930 г.) награждённая орденом Красного Знамени и получившая наименование Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии (ОКДВА). После вторжения японских войск в 1931-г. в Маньчжурию на Дальнем Востоке возник очаг агрессии, очень опасный и для Советского Союза. Военные конфликты в 1938 г. у озера Хасан и в 1939 г. на реке Халхин-Гол на территории Монгольской Народной Республики потребовали принятия новых усилий для защиты Дальнего Востока от возможной агрессии со стороны империалистической Японии. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. значительная по составу группировка советских войск находилась на Дальнем Востоке в полной боевой готовности. На заключительном этапе Второй мировой войны советские войска силами 1-го и 2-го Дальневосточного и Забайкальского фронтов в августе 1945 г. нанесли сокрушительный удар по Квантунской армии Японии. Кстати сказать, боевые действия на реке Халхин-Гол в 1939 г. и в ходе Маньчжурской операции 1945 г. в какой-то мере подтвердили вышеприведённые предположения Милютина о том, что в случае войны на Дальнем Востоке «главным театром войны будет опять Маньчжурия». Что же касается его рассуждений о характере боев на территории Монголии, то мысль о том, что она станет «ареной для иррегулярной конницы и казаков», оказалась плодотворной в том смысле, что в монгольских степях большую роль сыграли подвижные войска. Во время боёв на реке Халхин-Гол советским командованием были успешно применены танковые и механизированные бригады. В ходе Маньчжурской операции 1945 г. со стороны Монгольской Народной Республики успешно вели наступление 6-я гвардейская танковая армия, конно-механизированная группа и другие подвижные соединения.

Милютин понимал, что на «обеспечение дальних русских владений на Востоке» потребуются «громadne финансовые средства», но отвергал доводы сторонников экономить деньги за счёт обороны России. По его «глубокому убеждению», «никакие финансовые соображения не могут оправдать правительство, остающееся в бездействии в предвидении неминуемой опасности для неприкосновенности и чести Государства». Милютин был убеждён в том, что «готовность к войне предотвратит самую войну, которая во всяком случае обошлась бы несравненно дороже, чем прибавка даже нескольких десятков миллионов к нашему бюджету». Прогнозируя развитие внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке, сетуя по поводу российской дипломатии, которая, по его мнению,

«сыграла такую жалкую роль пред прошлой войной с Японией», Милютин излагал своё видение угрозы, которая, возможно, будет угрожать России. Он считал, что оборона России на Дальнем Востоке будет ещё труднее. В грядущем столкновении, как полагал Милютин, Россия, помимо Японии, наткнется и «на другого противника, пугающего своею колоссальностью», которым будет Китай.²⁷

В своих прогнозах Милютин исходил из того, что с помощью Японии Китай, эта империя Богдыхана, «через какой-нибудь десяток лет» будет обладать многочисленной армией, устроенной по европейскому образцу.²⁸ По мнению Милютина, даже если «перерождение Китая», то есть превращение Китая в мощную военную державу, и не совершится в такой короткий срок, за который произошло «перерождение Японии», то и в этом случае не следовало «пренебрегать такую грозною соседкой», как он называл Китай, тем более, что граница России с Китаем простиралась более, чем на 6 тысяч верст. На таком «чудовищном пространстве», как считал Милютин, какие бы силы ни собрала Россия, эти силы окажутся ничтожными для того, чтобы оградить Россию «от неприятельского вторжения». В этой связи он возлагал большие надежды на российских дипломатов, которым, как он считал, «должна быть поставлена неременная задача во что бы то ни было поддерживать дружественные отношения с Китаем так же, как и с Японией, не подавая при том вида предпочтения ни той, ни другой стороне». Сохранение мира на дальневосточной границе России Милютин считал первостепенной задачей. Ради её решения, полагал он, «не следует даже останавливаться на предоставлении льгот и преимуществ по торговле и промышленности, хотя бы даже и в ущерб нам самим». Предостерегал Милютин и от обострения отношений с другими странами, призывал «всячески избегать вмешательства в чужие дела других Европейских государств в случае натянутых отношений их с тою или другою соседкой». Уделив большое внимание «жгучему вопросу» о «защите русских пределов на Дальнем Востоке», считая его первостепенным по значению, Милютин затем в своих размышлениях переходил к вопросу «об организации нашей армии». Хотя этот вопрос и стоял на втором месте, ясно было, что и его решение имело очень большое значение, тем более, что «под этим заголовком» Милютин «разумел» «не какие либо частные усовершенствования во внутреннем устройстве каждой войсковой единицы, а систему совокупления этих единиц в более крупные отдели вооружённых сил». В своих рассуждениях Милютин исходил из того, что прошло «время, когда полководец сам лично вёл всю свою армию в

²⁷ Там же. С. 847.

²⁸ Там же. С. 847—848.

бой и руководил ходом сражения до самого конца — нанесения поражения противнику, или до совершенной невозможности продолжать бои», и «характерные черты боевых столкновений совершенно изменились».²⁹

Характеризуя особенности и масштаб боевых действий в начале XX в., Милютин обращал внимание на то, что «при громадности армий, не только главнокомандующий, ведущий войну на стратегическом фронте в несколько сотен верст, но и командующий каждой из армий не в состоянии собственными глазами обозреть растянутый тактический фронт, на котором ведется бой».³⁰ Прибавив к этому «растянутость позиций», значение увеличения дальности огня артиллерийского и пехотного оружия, факторов, приобретающих не меньшее значение, чем численность армий, Милютин утверждал, что «вся картина боя ныне совершенно иная, чем во времена Наполеона и до него». Упоминание о том, что условия боевых действий по сравнению с наполеоновскими войнами для Милютина имело особое значение, так как долгое время военные теоретики и историки (в России — Г.А. Жомини и Г.А. Леер) склонны были абсолютизировать принципы ведения боевых действий, выработанные Наполеоном и его современниками. В свете же милютинских «размышлений» следовало заняться разработкой теории военного дела, проблемами стратегии и тактики на принципиально новой основе. Конкретизируя общие положения, Милютин указывал на необходимость учитывать «два новых требования: во-первых, ослабление централизации в команде, руководительстве боем или — как принято называть — усиление личной «инициативы» не только в среде начальствующих лиц, но понижая до младшего офицера, даже до простого солдата, а во-вторых — необходимость большей самостоятельности в составе не только каждой армии, но и каждого корпуса и даже дивизии». Милютин сознавал, что проведение в жизнь требования об ослаблении централизации и развития инициативы, самостоятельности у солдат и офицеров может быть достигнуто только в том случае, «если им будет проникнуто самое законодательство военное в уставах, положениях, так же как во временных инструкциях, в особенности в обучении войск и военной школы. Проведение в жизнь такого рода требований Милютин считал делом сложным и призывал соблюдать «весьма обдуманную осторожность». Ослабление централизации и развитие инициативы в его глазах было «делом обоюдоострым». Милютин считал необходимым «строго установить грань между безусловной обязанностью точного исполнения полученного приказа от высшего начальства, руководящего боем, от тех случайных частных боевых

²⁹ Там же. С. 848.

³⁰ Там же. С. 848–849.

действий, в которых проявляются находчивость и сообразительность второстепенного начальствующего лица, младшего офицера солдата.

Милютин придавал большое значение исполнению принятого уже плана боевых действий, особенно старшими и высшими начальниками. «Чем выше стоит начальник в иерархической постепенности, тем обдуманнее и осторожнее может он позволить себе отступление от полученной диспозиции или инструкции», — писал Милютин и далее подчёркивал, что только в таких рамках может и должен быть введён в воспитание войск так называемый принцип «личной инициативы». По мнению Милютина, следовало очень строго относиться к необходимости отступления от намеченного плана и ранее отданного приказа, так как «иначе этот принцип может обратиться в полное нарушение военной дисциплины и повести в военное время к полному расстройству армии».³¹ Поставив на первое место проблему ослабления централизации в руководстве боевыми действиями, иначе трактуемой, как усиление личной «инициативы», на второе место Милютин ставил проблему развёртывания армии в случае начала или угрозы военных действий, проблему, включавшую в себя «сближение состава частей в мирное время с тем составом, который установлен на военное [время]» и «сближение в мирное время начальствующими лицами и подчинёнными им войсками». В этом он видел «несомненное условие успеха в военное время». «С другой стороны чрезвычайно важное преимущество», по мнению Милютина, «имел тот противник, которому требуется менее времени и хлопот для перехода с мирного положения на военное». На практике, или как выражался Милютин «обыкновенно», «только перед самым объявлением войны (а иногда и позже этой формальности) поспешно образуются армии, их штабы, назначается главнокомандующий, командующий армией и даже второстепенные начальники». Обращаясь к положению в русской армии, Милютин полагал, что некогда имевшее место выделение из общего состава вооружённых сил как «постоянного учреждения» «действующей армии» «с полным составом управления в Варшаве, с Главнокомандующим и другими установленными званиями» устарело. Эта армия, по мнению Милютина, «не имела реального значения, она сохранялась как пережиток от минувшей эпохи Наполеоновской и доставляла почётную обстановку для высокопоставленных военных лиц».³²

С точки зрения Милютина, принятая в России во время реформ система военных округов представляла собой «средство, если не для полного устранения» «невыгод импровизации образования армий,

³¹ Там же. С. 849.

³² Там же. С. 850.

чуть ли не при самом объявлении войны», то, по крайней мере, значительно облегчала «эти невыгоды на западной нашей (Европейской) границе», где «каждый из наших военных округов будет базисом или может быть и театром действий, каждый должен признаваться кадром для быстрого формирования армии, с её полевыми управлениями и хозяйственными учреждениями». По этой схеме с некоторыми отступлениями и были сформированы армии и фронты в 1914 г., спустя 5 лет после того, как Милютин написал свои «размышления», когда началась Первая мировая войны. На базе Виленского военного округа была сформирована 1-я армия. Её командующим стал П.К. Ренненкампф, командовавший округом с 20 января 1913 г. На базе Киевского военного округа бы сформирован Юго-Западный фронт в составе трех армий. Главнокомандующим фронтом стал Н.И. Иванов, командовавший округом со 2 декабря 1908 г. Главнокомандующим Северо-Западным фронтом был назначен Я.Г. Жилинский, с 4 марта 1914 г. командовавший Варшавским военным округом и являвшийся Варшавским генерал-губернатором. Как было сказано выше, при назначениях на высшие должности были «некоторые отступления». Они сказались, в частности, в том, что поскольку командующий Варшавским военным округом Я.Г. Жилинский возглавил Северо-Западный фронт, то на должность командующего 2-й армией, развёрнутой на базе Варшавского военного округа, был назначен А.В. Самсонов, который до этого с 17 марта 1909 г. был командующим Туркестанским военным округом и Туркестанским генерал-губернатором. Тот же принцип, тоже с некоторыми отступлениями, был применён и после того, как началась Вторая мировая война. В сентябре 1939 г. на базе Киевского военного округа был сформирован Украинский фронт, а Белорусского военного округа — Белорусский фронт. Командовавшие этими округами С.К. Тимошенко и М.П. Ковалев стали соответственно командующими фронтами. На начальном этапе советско-финляндской войны командующий Ленинградским военным округом стоял во главе участвовавших в боевых действиях войск. Затем он сменил В.Ф. Яковлева в должности командующего 7-й армией, в связи с чем многие командиры штаба ЛВО оказались в штабе этой армии, а общее командование было возложено на вновь сформированное управление Северо-Западного фронта, которое возглавил прибывший с должности командующего Киевским военным округом С.К. Тимошенко. В начале Великой Отечественной войны на базе военных округов были сформированы управления фронтов: Северного (командующий М.М. Попов), на базе Ленинградского военного округа,

Западного (командующий Д.Г. Павлов) на базе Западного особого военного округа, Юго-Западного (командующий М.П. Кирпонос) — на базе Киевского особого военного округа. Несколько иначе обстояло дело с формированием управления Южного фронта. На базе управления Одесского военного округа было сформировано управление 9-й Отдельной армии (командующий Я.Т. Черевиченко), а управление Южного фронта было сформировано на базе управления Московского военного округа (командующий И.В. Тюленев). Управление 18-й армии, вошедшей наряду с 9-й армией в состав Южного фронта, было сформировано на основе управления Харьковского военного округа (командующий А.К. Смирнов).

Милютин придавал большое значение формированию управления Верховного Главнокомандующего. Употребляя термин «Главкомандующий», но явно имея в виду Верховного главнокомандующего, он считал, что его полевое управление нельзя сформировать заранее, поскольку «ни личность сильного главнокомандующего, ни его ближайшего помощника, ни место его главной квартиры» «не может быть заранее определено».³³

Милютин считал возможным, что «звание Главнокомандующего может быть принято самим Государем», при этом сразу же предупреждал о «великом зле, вошедшем у нас в обычай на все веденные нами войны». Этим «великим злом» было «чрезмерное переполнение главных квартир тунеедцами, не несущими никаких обязанностей, но составляющих странное бремя для армии».³⁴ Общие рассуждения о проведении мобилизации Милютин сопровождал рядом конкретных предложений, в числе которых вопросы, касавшиеся «состава и устройства» корпусов и дивизий, придания им вспомогательных частей и административных отделов, «как-то инженерных войск, интендантства, санитарного и т.д.».³⁵

Милютин отдавал себе ясный отчёт в том, что во второй половине XIX — начале XX в. в военном деле произошли коренные изменения. При этом ему представлялось, что «старики», такие как он, «прошедшие через старую “фронттовую” школу тихого шага и суровой муштровки с пособи-ем палок и фухтелей», могут «полнее, чем нынешние молодые поколения оценить тот колоссальный успех, который совершился за какие-нибудь 50–60 лет в военном деле вообще, а в особенности в обучении солдата и в отношениях начальника к подчинённым». Милютин понимал, что технический прогресс будет постоянно требовать новых усовершенствований, считал, что вооружённые силы переживают «момент переходный».

³³ Там же. С. 851.

³⁴ Там же. С. 851–852.

³⁵ Там же. С. 853.

Напоминая о том, что «во всех армиях идет неустанная, не прерываются нововведения, направленные на усиление средств поражения противника и собственной защиты», что «каждое государство бьётся из-за того, чтобы опередить другие в новых изобретениях и усовершенствованиях», Милютин восклицал: «Горе тому, которое даст другому опередить себя в этой прискорбной и разорительной перегонке». С горечью констатировал Милютин о неудовлетворительном обеспечении русской армии всем необходимым. «Надобно сознаться, — писал он, — что в отношении материального устройства наша армия никогда не опережала другие, а большею частью отставая в том или другом от них». Настаивая на том, что «самой существенною и неотложною заботою нашего военного министерства должна быть тщательная проверка» «материальной обстановки и запасов», «немедленное пополнение всех недочётов, какие окажутся, во что бы то ни обошлось», все эти меры, по мнению Милютина, надо было принимать как можно скорее, так как он считал реальной возможностью возникновения войны в Европе. Войны, в которую может быть втянута и Россия. «Война может вспыхнуть совершенно внезапно, несмотря на международные союзы, гаагские договоры, ни на расточаемые со всех сторон миролюбивые заверения», — писал Милютин, указывая при этом на возможность осложнения отношений с Австро-Венгрией. Захват Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины Милютин расценивал, как «урок», преподанный России, и предупреждал, что «повторение подобного случая может пошатнуть мировое значение России».³⁶ В такой обстановке Россия и её вооружённые силы, считал Милютин, должны «быть в полной готовности к борьбе с западными соседями, а для того отнюдь не допускать, чтобы наши армии в Европе в чём-нибудь уступали вероятным противникам нашим».

Не менее существенной задачей, чем материальное обеспечение готовности к войне, Милютин считал «подготовку личного состава». Он понимал, что усложняется обучение солдата, да ещё, как ему представлялось, «при кратком сроке службы». В числе предложений Милютина так называемых специальных родов оружия, введение большей специализации в каждом роде оружия. Милютин обращался, прежде всего, к пехоте и убеждал, что «в пехоте нынешний солдат уже не прежний бессознательный автомат, которому вменялось в преступление пошевеливаться в строю и строжайше воспрещалось “думать”». Выступая против примитивного представления о солдате, ещё сохранившемся в сознании некоторых современников, Милютин писал: «Нынешний пехотинец уже не исключительно стрелок при усовершенствованной

---

³⁶ Там же. С. 854.

винтовке, за которой нужен умелый уход; от него требуется в бою сообразительность, находчивость, умение применяться к местности; он посылается на разведку, а потому должен уметь пользоваться топографической картой, буссолью, знать употребляемые в войсках сигналы; должен уметь выкопать себе окоп, устроить землянку, работать под руководством сапёр в минной галерее, при устройстве переправ и т.д., и т.д.». Большое значение придавал Милютин внедрению в войска пулемётов, значение которых стало очевидным ещё в русско-японскую войну.³⁷ Ряд конкретных предложений были сделаны Милютиным применительно к артиллерии и инженерным войскам.³⁸

Милютин сознавал, что высказываемые им мысли — «мрачные размышления». Писал, что и ему тяжело набрасывать их на бумагу. Но считал недопустимым «сознательно скрывать от себя действительность и успокаиваться на иллюзиях». Действительное положение России в мире, прежде всего, в Европе он характеризовал следующими словами: «Громадная наша матушка-Россия движется вперёд на два века позади передовых народов Западной Европы и едва ли когда-нибудь в будущем перегонит их». Отставание России «выказывалось», по мнению Милютина, «всего более на уровне экономическом и технологическом».³⁹

Прикидывая, «до чего может дойти изобретательность специалистов по всем отраслям техники и коммерческой изворотливости», Милютин приходил к выводу, что это «невозможно предсказать».⁴⁰ «Точно также, — полагал Милютин, — никто не возьмётся предопределить и предел, до которого будущие изобретения окажут влияние на преобразование военного дела». Он был убеждён в том, что будет расти и расширяться применение машин и механизмов. Милютин писал в заключительной части своих заметок: «Машина всё более и более будет брать верх над мускульной силой человека. Есть ли что либо невозможное, например, в том, что автомобили не только вполне заменят повозки в обозах, но проберутся даже в полевую артиллерию: вместо полевых орудий с конской упряжью, войдут в состязание на поле сражения подвижные бронированные батареи и битва сухопутная уподобится битве морской». Последняя фраза возможного в будущем применения техники звучала так: «В теперешнее время такой фантазии не верится, но потомки наши, быть может, взглянут иначе».⁴¹

³⁷ Там же. С. 855.

³⁸ Там же. С. 855–856.

³⁹ Там же. С. 857.

⁴⁰ Там же. С. 857–858.

⁴¹ Там же. С. 856.

Свои «Старческие размышления» Милютин датировал августом 1909 г. Напечатаны они были в 1912 г. С момента написания «размышлений» до начала Первой мировой войны прошло ровно пять лет, с момента опубликования — два года. Вскоре последовали одна за другой в 1917 г. две революции: сначала Февральская, а затем — Октябрьская. С момента написания «Старческих размышлений» Д.А. Милютина прошло 100 лет, но интерес к событиям начала XX в. в России не ослабевает. «Размышления» Милютина — один из интереснейших источников, позволяющих более отчётливо показать, что представлял собой их автор, как реформатор вооружённых сил России во второй половине XIX в., как внимательно он следил за развитием военного дела в России и за рубежом.

Материалы финляндских архивов по истории русской армии и флота периода Первой мировой войны

На формирование образа Финляндии и представлений российских военнослужащих о финляндцах прежде всего повлияла динамика отношения местного населения к меняющемуся характеру имперского присутствия в Княжестве в годы Первой мировой войны.

Документы финляндских архивов, современные исследования по истории русской армии и флота в Финляндии позволяют по-новому взглянуть на круг вопросов, связанных с восприятием рядовыми и офицерами населения княжества — финнов и шведов, проследить за отношением армейцев и флотских чинов к деталям быта и иным аспектам гражданской жизни. В то же время материалы, хранящиеся в коллекции «1918 год» Архива Финского литературного общества в Хельсинки (SKS), дают возможность увидеть российских военных глазами финляндцев, как правило, их младших современников, правда, почти через полувековую толщу времени.

Источники, позволяющие судить о контактах, противоречиях и взаимных представлениях военных и гражданского населения, обнаружены в Архиве МИД Финляндии и в Военном архиве Финляндии. Они представляют значительный интерес для изучения этнических стереотипов, складывавшихся как у военных и членов их семей, так и у жителей гарнизонных городов Великого княжества.

В данной статье ставится задача исследовать, как складывались взаимные представления финляндцев и российских военнослужащих в предвоенный период и в годы Первой мировой войны. Это открывает перспективы дальнейшего изучения роли военного фактора в истории России начала XX в. и исследования особенностей восприятия «человека с ружьём» гражданским населением империи. Проблема контактов российских военных с населением Финляндии во время Первой мировой войны, противоречия, возникавшие между ними и представления, складывающиеся друг о друге, ещё не становились предметом специального исследования, поэтому представляется необходимым обратиться к этой весьма острой проблеме, которую долгое время отечественные историки обходили молчанием.¹

¹ Подробнее о степени изученности проблемы см.: *Дубровская Е.Ю.* Власть, общество и российские войска в Финляндии в 1914–1918 гг. Историографический и источниковедческий аспекты // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Матер. Всерос. науч. конф. СПб., 2007. С. 208–215.

Наиболее обстоятельное исследование проблем, связанных с историей российской армии и флота в Финляндии за более чем вековой период вхождения Великого княжества в состав Российской империи принадлежит П. Лунтинену.² Монография его соотечественницы финской исследовательницы О. Каремаа освещает, в частности, восприятие финляндским обществом российского административного и военного присутствия в бывшем Великом княжестве в 1917–1918 гг.³ Одни историки в соответствии с давней финляндской традицией продолжают называть события зимы весны 1918 г. «освободительной войной», другие считают войной гражданской или «борьбой классов».⁴

Помимо опубликованных материалов (периодической печати, сборников документов, мемуарной литературы), позволяющих судить о взаимоотношениях российских военных и гражданского населения, особенный интерес представляют документы из коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии (Kansallisarkisto), Архива фольклора Финского Литературного общества (SKS), Архива МИД Финляндии, Военного архива Финляндии, а также российских архивов (РГВИА, РГИА, Национального архива Республики Карелия, Архива Карельского научного центра РАН).

Проект по сбору воспоминаний очевидцев и участников событий гражданской войны в Финляндии был предпринят Архивом фольклора Финского Литературного общества в 1966 г. и, к счастью, сумел зафиксировать более 50 томов рукописных и машинописных меморатов на финском языке, составлявшихся приблизительно по общему плану.⁵ Незменным пунктом предлагавшегося плана был вопрос о «русских войсках, периоде войны и русской революции».

Однако при всей привлекательности этого источника, практически не вводившегося в научный оборот отечественными исследователями, приходится учитывать то обстоятельство, что он создавался много поз-

² *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997.

³ *Karemaa O.* Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä: venäläisviha 1917–1923. Helsinki, 1998.

⁴ *Hyyönen A.* Suurten tapahtumien vuodet 1917–1918. Helsinki, 1977; *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. 1 osa: Helmikuu 1918 — toukokuu 1918. Helsinki, 1967; 2 osa : Toukokuu 1918–1920. Helsinki, 1971; *Polvinen T.* Lokakuun vallankumous ja Suomen itsenäistymisen // Historiallinen Arkisto. Helsinki, 1980; *Вихавайнен Т.* Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание // Историческая память и общество в Российской империи и в Советском Союзе (конец XIX — начало XX века). Междунар. colloquium. Науч. докл. СПб., 2007. С. 59–68; *Полвинен Т.* Октябрьская революция и становление независимости Финляндии // Россия и Финляндия. 1700–1917. Л., 1980. С. 11–20.

⁵ Suomen Kirjallisuuden Seuran (SKS) Arkisto. Собрание памятников устной традиции «1918». (Наиболее подробное исследование материалов коллекции проведено в исследовании: *Peltonen U-M.* Muistin Paikat: Vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta. Helsinki, 2003).

же описываемых событий, когда Финляндия уже прошла через горький опыт войн со своим восточным соседом, и в обществе сформировалась определённая «традиция рассказывания» о «России и русских». Воспоминания о тогдашнем негативном отношении к военным и особенно об участии (своём или своих близких) в акциях «сопротивления завоевателям» применительно к периоду Первой мировой войны нередко содержат преувеличения.⁶

Этнолог А.-М. Острём опубликовала детские воспоминания финляндских шведов, живших в Гельсингфорсе (Хельсинки) в начале XX столетия. В них встречаются рассказы то о «русских казаках», внезапно промчавшихся по городскому парку «на своих небольших лошадях» к ужасу нянечек, вышедших с детьми на прогулку, то о русских мороженщиках, у которых ребятам покупали «первомайское мороженое», помещавшееся «между двух вафель», или о том, что во время Первой мировой войны «мама шила бельё для русской армии».⁷

* * *

Из общего числа русского и русскоязычного населения империи в середине XIX в. в Финляндии проживало 0,1 %.⁸ Разумеется, большинство русских притягивала финляндская столица Гельсингфорс. Однако, к примеру, в г. Вильманстраде (Лаппенранта) в Восточной Финляндии в 1880 г. русских уроженцев было почти 10 %, а пятая часть населения города считала русский язык родным.⁹

Гельсингфорс, как и российская столица, становился городом, населённым людьми разных национальностей. Помимо русских среди мигрантов из России встречались уроженцы Прибалтийских губерний, поляки, евреи, татары, цыгане, немцы и др., прибывшие сюда вместе с российскими войсками. Русские составляли наиболее многочисленную этническую группу. В конце XIX в. русский православный приход в Гельсингфорсе насчитывал до полутора тысяч чел., в 1910 г. — 2 406 чел., из которых «постоянными» местными прихожанами были 513 чел., а 1 899 чел. не являлись гражданами Финляндии. В 1900 г. в Великом княжестве Финляндском

⁶ См. также: Дубровская Е. Ю. Российские военнопленные и население Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны: представления, контакты, противоречия // Исторические записки № 8 (126) М., 2005. С. 267–295; Она же. Символическое присутствие империи в финляндской столице и трансформация городской символики Гельсингфорса в 1917 г. // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX вв. Сб. статей к 75-летию А.Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 385–398.

⁷ *Hemma Bäst*. Minnen från barndomshem i Helsingfors. Helsingfors, 1990. S. 71, 146, 196.

⁸ Русские в мире. Вып. 2. М., 1991. С. 69, данные таблицы.

⁹ *Räsänen M.* On the border between east and west // *Venäläisyyden Helsingissä 1809–1917*. Helsinki, 1984. S. 95.

было 6 тыс. чел. русских, преимущественно живших в Гельсингфорсе и Выборге, что составило не более 0,22% всего населения Финляндии.¹⁰

Конкретной реальностью периода наступления имперской власти на автономные права Финляндии стал роспуск финляндских национальных войск. Задачи защиты территории Княжества отныне должны были выполнять исключительно российская армия и флот. После ликвидации национальных вооружённых сил Финляндия в 1905 г. была включена в состав Петербургского военного округа. На её территории происходило развертывание 22-го армейского корпуса, численность которого первоначально предполагалось довести до 14 тыс. человек. К началу войны она составила 35–40 тыс. чел. Корпус располагался вдоль южного побережья Финляндии.¹¹

Региональная политика самодержавия в своем стремлении к политической и экономической интеграции страны вынуждена была учитывать своеобразие Финляндии, этой пограничной территории на северо-западном рубеже империи. На практике это ставило военные власти перед необходимостью знакомить как «традиционного» новобранца, так и призывника-резервиста из российской глубинки с пусть даже самыми общими сведениями об автономной Финляндии, «национальной окраине», которой суждено было стать местом прохождения службы для тысяч рядовых и офицеров.

К началу Первой мировой войны командование русскими войсками в Финляндии не могло ограничиваться публикацией специальной литературы, информировавшей о естественно-географических и тактических особенностях ведения боевых действий на территории Княжества.¹² Была предпринята попытка подготовить «Краткий очерк истории Финляндии и нынешнего её устройства», рассчитанный на унтер-офицерский состав. Автором этого обзорного очерка, изданного ротاپринтным способом, стал ротмистр Ильиню.¹³ В очерке капитана Вишневого, увидевшем свет в Петрограде, вопросу о «гражданском устройстве Финляндии» уделено не больше страницы. Сведения об административном устройстве и управлении краем не выходят за рамки разъяснений о том, что «полицмейстер-

¹⁰ *Koukkunen H., Kasanko M. Helsingin ortodoksinen Seurakunta 1827–1977. Helsinki, 1977. S. 17; Turpeinen O. Venäjänkielisten maara Suomessa vuonna 1900 // Venäläiset Suomessa... S. 27.*

¹¹ *Ошеров Е.Б., Суни Л.В. Указ. соч. С. 63; Расила В. Указ. соч. С. 136; Соломещ И.М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917). Петро-заводск, 1992. С. 20.*

¹² *Альфтан М.Ф. Военное обозрение Финляндского военного округа. Т. 1–2. Гельсингфорс, 1905; Вишневский, капитан. Краткий военно-географический очерк Юго-западной Финляндии. Петроград. 1915; Рыльский К. Краткий очерк финляндского театра. СПб., 1906; Он же. Особенности тактических действий в Финляндии. СПб., 1909.*

¹³ *Kansallisarkisto (КА — Национальный архив Финляндии). «Русские военные бумаги». Д. 17247. Л. 1–24.*

ские обязанности выполняются здесь обер-констеблями (околоточными) под ближайшим началом комиссаров (приставов), а «общинное (земское) управление сосредотачивается в городских и сельских общинах».¹⁴

Очерк ротмистра Ильина, обнаруженный среди документов коллекции «Русские военные бумаги» в Национальном архиве Финляндии, является попыткой дать унтер-офицерам некоторые общие представления о Великом княжестве. Автор остановился на таких мало- или совсем неизвестных прибывавшим из России военным вопросам, как население края в древности, период шведского владычества, присоединение Финляндии к России в результате наполеоновских войн, автономные права Великого княжества в составе Российского государства, административное устройство Финляндии, обязанности Императорского Финляндского сената и сейма, судебная система, городское самоуправление, церковь, высшие и средние учебные заведения, и даже перечислил действовавшие здесь секты.

Примечательны содержащиеся в очерке Ильина упоминания об этнических аспектах жизни сопредельных территорий. Сведения эти различны по характеру — от простой фиксации этнонимов периода средневековья («полудикое финское племя “ямь” и «полудикое финское племя “кареллы”») — до суждений о типичных свойствах тех или иных народов, и прежде всего, о ближайшем этносе-соседе — о финнах. Приводимые им оценки мало отличаются от тех, что встречаются в издававшейся накануне войны многочисленной литературе по «финляндскому вопросу», изобиловавшей ссылками на враждебное отношение финляндцев к русским, к Православной церкви, к представителям русской армии и власти, к эмблемам имперской власти и пр. Н. Вальтер, в частности, по пунктам перечислял «отрицательные стороны финской жизни», что должно было, по мысли автора, привести читателя к негативному ответу на вопрос: «Вправе ли финляндцы гордиться своей культурой перед русским народом?»¹⁵

Ротмистр Ильин, сообщая служившим в Великом княжестве унтер-офицерам о «культуре шведов в Финляндии» в период шведского владычества, отметил: «...шведы всё же старались привить культуру финнам: распространяли христианство, вводили некоторый порядок в управление народа, издавали законы, устраивали суды и т.д., но при этом обставляли дело так, что финны всегда и во всём зависели от своих культурных завоевателей».

Из очерка читатели узнавали, что «Швеция, бывшая могущественным государством, не могла хладнокровно смотреть на усиление нашей родины» и тогда «Император Петр Великий решил снова отобрать от

¹⁴ Вишневецкий. Указ. соч. С. 47.

¹⁵ Вальтер Н. Изнанка финляндской культуры: материалы для очерка финляндских нравов. СПб., 1913. С. 253.

Швеции старинные русские земли». ¹⁶ Однако окончательный переход бывшей шведской окраины под власть России, предоставленные ей автономные привилегии, а также «дарование Финляндии прав иметь собственную монету и собственные войска» не снискали искренней признательности жителей Княжества.

Специальный параграф «Неблагодарность финляндцев» повествует о том, что, несмотря на оказанные милости, они притесняли немногочисленное русское население края, не предоставляя им никаких прав в то время, когда сами пользовались всеми правами внутри Империи, и «не хотели пойти навстречу требованиям правительства, предъявляемым финляндцам для общего с империей блага». В 1885 г., установив памятники в честь одержанных ими «частичных побед над русскими войсками», финляндцы, по словам автора, «бросили оскорбительный вызов всем русскими людям и возмечтали о самостоятельном государстве, внушая всем, что Финляндия связана с Россией лишь в лице Монарха, что она не есть Россия, а отдельное государство, состоящее в унии (в союзе) с Россией». Последнее автором выделено под рубрикой «Заблуждения финляндцев», ¹⁷ в которой упоминаются причины их недовольства деятельностью генерал-губернатора Бобрикова «за его стремление объединить Финляндию с Империей».

В развернувшихся «боях за память» о последней русско-шведской войне 1808–1809 гг. ¹⁸ гражданская администрация Княжества призвана была взаимодействовать с военными властями. Свидетельство тому — предписание Выборгского губернатора генерал-майора Ф. фон Фалера коронному ленсману (главе местного управления) Суоярвского округа в Восточной Финляндии, направленное в декабре 1913 г. Из документа явствует, что Начальник военных перевозок по железным дорогам и водным коммуникациям полковник Месснер, действительный член Императорского военно-исторического общества, получил поддержку финляндского генерал-губернатора Ф.А. Зейна в организации сбора «необходимых свидетельств о сохранившихся в Финляндии военно-исторических памятниках» для последующего широкого оповещения о найденных материалах. По распоряжению Зейна, все губернаторы Княжества должны были оказывать Месснеру полное и всестороннее содействие в осуществлении его задачи, в частности, позволить названному офицеру штаба

¹⁶ КА. Там же. Д. 17247. Л. 3.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Подробнее см.: *Витухновская М.А.* «Битва монументов»: русско-шведские войны в национальной памяти империи и Великого княжества // Историческая память и общество в Российской империи и в Советском Союзе (конец XIX — начало XX века). Междунар. коллоквиум. Науч. докл. СПб., 2007. С. 48–58.

«беспрепятственно проникать во все учреждения и заведения, имеющие какое-либо значение для изучения древних войн», и способствовать ему в исследованиях для подготовки отчёта о сохранившихся в Финляндии военно-исторических памятниках.¹⁹

Возвращаясь к очерку ротмистра Ильина «Краткий очерк истории Финляндии и нынешнего её устройства», следует отметить, что убийство генерал-губернатора Н.И. Бобрикова в 1904 г. «активистом» Е. Шауманом (сторонником активного сопротивления унификаторским начинаниям царизма), который назван в очерке «злоумышленником шведом», упоминается наряду с революцией в России и Финляндии 1905 г. и принятием нового сеймового устава в 1906 г. Более подробно автор остановился на изданном 24 сентября 1909 г. «Законе о военном налоге Финляндии», на основании которого Великое княжество обязано было отчислять в пользу Империи определённую денежную сумму специально на военные нужды: «Опять-таки этот Закон, вызвавший столько нареканий финляндцев, является лишь актом высшей справедливости. Ведь Финляндия с упразднением её войск в 1901 г. фактически совершенно перестала участвовать в военных тяготах России».

В том же ключе трактовался Закон от 17 июня 1910 г., который передавал на рассмотрение Государственной Думы и Государственного Совета финляндских дел, признававшихся вопросами общегосударственного значения (участие Финляндии в государственных расходах, права русских граждан в Финляндии и финляндцев в России, финляндская система самоуправления, государственный язык, регулирование судопроизводства, денежная система, общегосударственные интересы в школьных программах, издательская деятельность, общественные собрания, работа союзов и объединений, железных дорог, таможни, телеграфа, постановка почтового дела, торговля и морское судоходство). Эти дела подлежали решению в законодательных органах России, а финляндскому парламенту было оставлено лишь право высказывать по ним свое мнение.²⁰ По поводу принятого центральной властью в мае 1912 г. Закона о равных с финляндцами правах русских граждан в Финляндии, вызвавшее «пассивное» сопротивление внутри финляндского общества, ротмистр Ильин пояснил, что, всячески стараясь воспрепятствовать проведению закона в жизнь, «пассивисты» отказываются «исполнять работу, так или иначе относящуюся к ненавистному им закону, не вносят фамилии русских в избирательные списки, не разрешают им торговать и т.д.».²¹

¹⁹ НАРК (Национальный архив Республики Карелия). Ф. 830. Д. 14. Л. 1.

²⁰ Сборник постановлений Великого княжества Финляндского на 1910 г. Гельсингфорс, 1911. № 45. С. 1–7; *Расила В.* Указ. соч. С. 129; *Соломец И.М.* Указ. соч. С. 8–9.

²¹ КА. Там же. Д. 17247. Л. 11.

Межэтнические противоречия, возникавшие в столь напряжённой политической обстановке в крае и ставшие заметной стороной повседневной жизни этносов-соседей, нашли следующее отражение на страницах очерка: «Вот какой монетой финляндцы отплатили и продолжают платить русским за сделанное им Россией добро. Но разберёмся, повинен ли перед нами, русскими, вообще весь финляндский народ? По справедливости, всю вину надо сложить только на некоторую часть его, которая подстрекает население Финляндии во-первых, к неисполнению требований Имперского правительства, а во-вторых, к ненависти против русских... Кто занимает должности чиновников, кто служит в городских самоуправлениях, кто, наконец, является хозяевами банков, кредитных учреждений — конечно, в подавляющем количестве шведы. Все они, состоя вожаками разных политических партий в Финляндии, и восстанавливают остальное население против нас, русских».²²

Соображения здравого смысла требовали отделить основное население возможного будущего театра военных действий от потенциального противника в лице Швеции и поддерживавших её этнических шведов. Активная деятельность штаба Петербургского военного округа и негласной агентуры как в Финляндии, так и особенно в соседней Швеции, свидетельствовала о том, что фактор Финляндии, превратившейся к рассматриваемому периоду в очаг сепаратизма на территории Российской империи, находился в фокусе внимания русских военных экспертов в Северных странах.²³ Официальный Петербург торопился подавить сепаратистские устремления финляндцев, опасаясь перехода Великого княжества под контроль Германии в случае получения независимости или даже расширения автономии.²⁴

Эти обстоятельства учитывались при подготовке унтер-офицерского состава русских войск, дислоцированных в крае. Автор «Краткого очерка истории Финляндии» обвинил финляндских шведов в том, что они играли руководящую роль в Шведской народной и Младофинской партиях конституционалистов, а также в организованном после общероссийской политической стачки 1905 г. союзе «активистов» «Voima» («Сила»), который осенью 1905 г. был запрещён финляндским Сенатом по требованию России.

²² Там же. Л. 12.

²³ *Сергеев Е. Ю., Улуян А. А.* Военные агенты Российской империи в Европе. 1900–1914. М., 1999. С. 280–281. Некоторые из многочисленных предвоенных изданий военного ведомства об особенностях тактических действий в районе русско-шведской границы рассмотрены в статье: *Дубровская Е. Ю.* Шведское общество и мировая война (по материалам 1914–1917 гг. в делах русских военных властей в Финляндии) // Скандинавские чтения 1998 г.: этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1999. С. 216–226.

²⁴ *Юссала О., Хенттля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии: 1809–1995. М., 1998. С. 95–99.

«Не хочется им расставаться с положением главных хозяев края, — писал Ильин, — поэтому они всеми силами и стараются отстоять свои позиции, справедливо рассуждая, что русские не допустят продолжения такой ненормальности». Завершая изложение взглядов военных властей на обстановку, сложившуюся в Княжестве, составитель пособия отметил: «В последнее время, слава Богу, в среде финнов уже слышатся трезвые голоса в пользу русских, но пока таких голосов, к сожалению, очень мало».²⁵

Примечательно руководство, которое должны были усвоить ознакомившиеся с пособием нижние чины унтер-офицерского звания в отношении гражданского населения края: «До того же времени, когда всё население Финляндии поймет, что их истинными друзьями могут быть только русские, нам, служащим в этой стране, надлежит стараться показать населению, что мы пришли сюда не для нанесения им обид, а для своего дела, направленного на общую пользу. Поэтому мы в тех немногих случаях обращения к нам за чем-либо финляндцев безусловно обязаны идти навстречу им, однако же, не нарушая при этом присяги, долга службы и распоряжений своего начальства. Вот тогда эта северо-западная окраина поймет, кого она должна слушаться, кому повиноваться».²⁶

Последний красноречивый пассаж свидетельствует о коренном отличии восприятия сложившейся ситуации общественным мнением финляндцев и русским военным командованием. По наблюдению финского историка В. Расила, для русских в основе «финляндского вопроса» лежали соображения военной и оборонной политики, на национальные проблемы в Петербурге не обращали достаточного внимания, поскольку государственный интерес стоял превыше всего, в том числе и национальных проблем. Между тем «в Финляндии дела рассматривались не с военной точки зрения, и здесь отнюдь не опасались за безопасность российской столицы. Для финнов было важно все, что затрагивало финскую национальность и право на национальное самоопределение».²⁷ В таких обстоятельствах находившиеся в Финляндии российские войска не только становились средством проведения политики центральных властей, но и неизменно оказывались заложниками политических амбиций сторон, что особенно проявилось в годы Первой мировой войны.

В финляндской провинции, вдалеке от больших городов, где не было большого скопления военных, политические баталии, разворачивавшиеся в столичной прессе Великого княжества и направленные против присутствия российских войск в Финляндии,²⁸ не влияли на повседневную

²⁵ КА. Там же. Л. 12.

²⁶ Там же. Л. 13.

²⁷ Расила В. Указ. соч. С. 133.

²⁸ Дубровская Е. Ю. Финляндцы и российские военнослужащие: 1910–1914 годы // Вопросы

жизнь сельского населения и не сказывались на отношении к финнам и шведам со стороны военнослужащих.

Примечательно свидетельство родившегося в 1907 г. Эрkki Уотила о настроении его земляков в период гражданской войны 1918: «В Финляндии повсюду проявлялось колебание, когда пришли русские. Одни в душе идеализировали их как пришедших освободителей, не было никакого единого мнения. Другие их ненавидели». И лишь когда началась Зимняя война 1939 – 1940 гг. «все объединились в братском единодушии».²⁹ Воспоминания оставила и уроженка Выборга Эстер Ойнонен (1899 г.р.), работавшая в 1917 г. няней у детей городского судьи и проживавшая в его семье. В Выборге «...было много русских солдат, которым одни симпатизировали, другие их ненавидели. В особенности финские служанки любили исключительно их, потому что на внешность они были красивые, подтянутые, и вежливые, обходительные. Я, конечно, не собиралась с ними общаться, ведь у них были жены и дети в России, а многим девушкам пришлось плохо, когда эти отношения закончились».³⁰

Рассказчица упоминает и об одной из «стратегий выживания», к которой в 1918 г. приходилось прибегать её хозяйке, если в городе устанавливалась власть «красных» или «белых финнов». «...Стали ходить слухи, что в России была революция и там к власти пришли коммунисты, они стали помогать потом финским «*пуникки*» [презрительное название т.н. «красных финнов». — *Е. Д.*], и те захватили власть, так что жизнь была совсем как мельница». Обыватели «прицепляли на грудь красные бантики, опасаясь мести «*пуникки*», или же сине-белые вместо них, смотря кто победил. [Имеются в виду цвета национального флага независимой Финляндии]. — *Е. Д.* И в семье этого судьбы хозяйка всегда по обстановке меняла нам, служанкам, такие значки».³¹

* * *

Изучение многосторонних аспектов армейской и флотской повседневности периода Первой мировой войны, особенностей психологии российских военных, служивших в Финляндии, социально-нравственных норм и представлений рядовых и офицеров об этнососедах (финнах и шведах) позволяют представить ту реальность, в которой в 1914–1918 гг. оказались тысячи в недавнем прошлом гражданских людей, мобилизованных под ружьё и на себе испытывавших воздействие

истории Европейского севера. Проблемы развития культуры: вторая половина XIX–XX вв. Петрозаводск, 2002. С. 193–205.

²⁹ SKS Arkisto. Side 52. Erkki Uotila. S. 93.

³⁰ SKS Arkisto. Side 22. S. 1.Ester Oinonen.

³¹ Ibid. S. 2.

модернизационных процессов в вооружённых силах России. Противопоставление военных себя финляндцам в рамках дихотомии «мы—они» и аналогичное обособление гражданского населения от «человека с ружьём» — представителя чужой культуры — интересно с точки зрения исследования этнических стереотипов, складывавшихся как у военных и членов их семей, так и у жителей гарнизонных городов Финляндии.

Факты межэтнических конфликтов между российскими военными и населением бывшего Великого княжества Финляндского не позволяют довольствоваться идиллической картиной «классовой солидарности русских солдат и матросов с революционным финляндским пролетариатом», которая долгое время рисовалась в отечественной исторической литературе.

Однако, делая акцент на конфликтах и противоречиях между военнослужащими и финляндцами в период российской революции 1917 г., следует избегать другой крайности — отрицания всякого взаимодействия между ними.³² Преодоление «перекосов» такого рода позволяет уйти из-под влияния новых мифов и стереотипов в отечественной историографии, пришедших на смену старым.

---

³² См. также: *Кеттола Э.* Русская революция и независимость Финляндии // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 294–307; *Колоницкий Б.И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб, 2001; *Он же.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001; *Черняев В.Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // *Анатомия революции...* С. 308–323; *Чистиков А.Н.* Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Россией // *Интервенция на северо-западе России: 1917–1920 гг.* СПб., 1995. С. 159–174.